

Доник Ксения Владимировна – к. и. н., специалист, Российская национальная библиотека, Российская Федерация, 191069, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 18; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Ksenia V. Donik – PhD in History, specialist, National Library of Russia, Russian Federation, 191069, Saint-Petersburg, Sadovaya street, 18; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

ksenia.donik@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01074, <https://rscf.ru/project/24-28-01074/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01074, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01074/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky

ORCID 0000-0002-7179-5897

+7 911 839 74 22

К. В. Доник

Идейное наследие М. М. Сперанского и проблемы морского законодательства

Статья посвящена проекту создания свода морских постановлений, разработанному в 1833 г. в морском ведомстве и влиянии опыта деятельности М. М. Сперанского на его ключевые характеристики. На основе ранее не вводившихся в научный оборот архивных материалов из состава Российского государственного архива Военно-морского флота и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки исследован проект систематизации морского законодательства, появившийся в качестве попытки упорядочить разрозненные морские законы и создать корпус постановлений, аналогичный тому, который разрабатывался с середины 20-х гг. XIX в. в Военном министерстве. Исходя из анализа содержания ключевых документов проекта морского свода 1833 г. показано, каким образом концепция систематизации законов, предложенная М. М. Сперанским, адаптировалась для реалий сначала армии, а впоследствии и флота. Проект создания свода морских постановлений рассматривается в контексте реформ морского управления, инициированных самим Николаем I и осуществленных под руководством генерал-

адъютанта князя А. С. Меншикова; они были направлены преодолению управленческого кризиса во флоте, многочисленных конфликтов и злоупотреблений. В этой связи попытка упорядочить законы при доминировавшем административном отношении к законодательству может интерпретироваться как составная часть этих преобразований, в целом направленных на укрепление присутствия верховной власти во флоте. Архивная работа над данной темой позволила выявить ранее не известные исследователям автографы М. М. Сперанского, которые, показывают, что проект морского свода получал его поддержку и посильное содействие. Однако в отличие от военного свода, по разным причинам, также имевшим общий и внутриведомственный характер, проект Свода морских постановлений 1833 г. остался нереализованным. В статье описаны причины неудачи первой реальной попытки систематизации морских законов и ее место в истории морской кодификации в XIX в.

Ключевые слова: Николай I, Сперанский М. М., Меншиков А. С., флот, реформы, систематизация

K. V. Donik

The ideological legacy of M. M. Speransky and the problems of maritime legislation

The article is devoted to the project of creating a Digest of Maritime Laws, developed in 1833 in the maritime department and the influence of the experience of Michael Speransky on its key characteristics. Based on archival materials from the Russian State Archive of the Navy and the Manuscripts Department of the Russian National Library, a project for systematization of maritime legislation was investigated, which appeared as an attempt to streamline disparate maritime laws and create a Digest of laws similar to that developed with mid-20s XIX century at the War Ministry. Based on the analysis of the documents of the plan of naval code of 1833, it is shown how the concept of systematization of laws proposed by Michael Speransky was adapted to the realities and characteristics of the navy. In the article the project to create a Digest of Maritime Laws is considered in the context of maritime management reforms initiated by Nicholas I himself and carried out under the leadership of Prince Alexandre Menshikov. These reforms were aimed at overcoming the management crisis in the fleet and corruption. From this point of view, the attempt to streamline laws can be interpreted as an integral part of these transformations, generally aimed at strengthening the presence of supreme power in the fleet. However, unlike the military code, the draft Digest of Maritime Laws of 1833 remained unrealized. The article describes the reasons for the failure of the first real attempt to systematize maritime laws and its place in the history of maritime codification in the 19th century.

Keywords: Nicholas I, Speransky M. M., Menshikov A. S., fleet, reforms, systematization

Политический кризис, случившийся в период междуцарствия в 1825 г. и проявившийся в нелояльности военной и морских элиты, поставил перед Николаем I непростую задачу его преодоления через попытку доказать, что благоденствие общества («общее благо»), по крайней мере, самой просвещенной его части – дворянства, может быть достигнуто в союзе с самодержавной властью. По выражению Р. Уортмана, «Николай был исполнен решимости заставить государство работать, усиливая власть, надзор и уважение к закону»¹.

Важнейшим практическим воплощением этой цели стала систематизация законов Российской империи, осуществленная под непосредственным началом М. М. Сперанского в 1826 – 1832 гг. Главной идеей работы по упорядочиванию законов стало получение «срочной поддержки ослабленного трона путем восстановления своей легитимности в глазах просвещенной элиты»². Придавая систематизации законов исключительное значение как одной из реформ, направленных на усиление самодержавия, «которое рассматривалось императором как гарантия стабильности государственного строя и общественной жизни»³, Николай I рассчитывал на своего рода «оздоровление» многих не только политических, но и практических аспектов реализации самодержавной власти, и в первую очередь – в управлении. В современной историографии систематизация законов рассматривается в связи с теми попытками «укрепления административной системы абсолютизма»⁴ и «утверждения правовой основы в административно-управленческой сфере»⁵, которые предпринимались в первое десятилетие царствования Николая I (1826 – 1836 гг.) во многих областях государственного управления. С аналогичными целями были проведены реформы, направленные на укрепление аппаратов управления армией и флотом, полностью укладывающиеся в обозначенные хронологические границы.

Поощрение со стороны самодержца работы в военном и морском ведомствах по созданию отраслевых сводов права необходимо рассматривать как явления, взаимосвязанные с общим курсом Николая I на преодоление политических проблем

¹ Уортман Р. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 105.

² Borisova T. Y. The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality // Law and History Review. 2012. Vol. 30. No. 3. P. 907.

³ Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 7

⁴ Андреева Т. В. Государственное управление России в начале царствования Николая I: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2017. №2 (14). С. 31.

⁵ Андреева Т. В. Второе отделение Собственной ЕИВ канцелярии: технология законотворчества. 1826–1832 гг. Петербургский исторический журнал. 2019. № 2 (22). С. 50.

самодержавной власти в целом и на повышение качества управления, борьбу с коррупцией – в частности. Для армии и флота две последние цели являлись наиболее важными. И если ход систематизации законов для армии был описан в историографии, попытки привести в систему морское законодательство при Николае I не изучались никогда⁶. Их судьба сложилась не столь благоприятно, но они также являлись неотъемлемой частью внутривнутриполитического контекста первых десяти лет правления Николая I и идейного наследия М. М. Сперанского.

Начало работы по составлению свода военных постановлений началось в 1826 г. по инициативе отставного генерал-майора *Дмитрия Игоревича Ахшарумова* – автора «Истории Отечественной войны 1812 г.», который, удалясь от дел службы, представил начальнику Главного штаба Его Императорского Величества (далее – ЕИВ), барону И. И. Дибичу проект будущего свода. В вышедшем к столетию Военного министерства Российской империи многотомном издании истории ведомства эта инициатива трактовалась исключительно как «частный почин лица, даже не имевшего, по своему служебному положению, никакого отношения к вопросам военного законодательства»⁷. Однако такой масштабный и требующий начальственной поддержки проект если и мог считаться «частным почином», все же был глубоко подготовлен и задан контекстом: с одной стороны, осознанием ведомством потребности в систематизированных военных законах, с другой – началом работы М. М. Сперанского над задачей общей систематизации законов. Поддержка Сперанского последовала быстро: он принял «главное руководство» по составлению свода военных постановлений, организовав работу Ахшарумова и его чиновников под началом II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее – СЕИВК), а в дальнейшем стал и редактором текста свода.

Идеи, которые лежали в основании убежденности Ахшарумова, что свод военных постановлений необходим, коренились в его опыте службы на должности директора Комиссариатского департамента Военного министерства. Зная все проблемы работы одного из подразделений по снабжению армии, он усматривал причины коррупции и

⁶ Единственное краткое упоминание о проекте систематизации морских законов 1833 г. в контексте деятельности II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии было сделано П. М. Майковым; в архиве историк обнаружил только одно обращение генерал-адъютанта начальника Главного морского штаба вице-адмирала князя А. С. Меншикова к Сперанскому с просьбой о присылке сведений по составлению свода военных постановлений, сделав вывод, что тем «и ограничилось все участие II Отделения в работах по составлению свода морских постановлений». *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1826–1882. СПб., 1906. С. 220–221. Такая позиция могла быть высказана на основании критерия формального неучастия учреждения в составлении морского свода, а также отсутствии материалов архива Комитета образования флота и тех чиновников, которые непосредственно занимались работой над морским законодательством.

⁷ Столетие Военного министерства, 1802–1902 / гл. ред. ген. от кавалерии Д. А. Скалон; [Т. 3, ч. 1, отд. 1]: Кодификационный отдел: исторический очерк / сост. Ген. шт. подполк. Э.М. Лисенко; ред. действ. тайн. сов. Н. Г. Колоколов. 1902. С. 16.

неэффективности военной администрации в недостатках законодательства, а административную реформу в армии считал невозможной без упорядочивания законодательства⁸. Незнание чиновниками в полной мере законов и правил бесконечно усложняло работу сложного аппарата управления армией, умножая бумаги, незавершенные дела, нарушение форм и ошибки⁹.

Работа над военным Сводом преодолела два этапа. В ходе первого – с марта 1828 г. по 1832 г. – составлялся собственно корпус статей, приводившихся в систему, затем на втором этапе – в 1832 – 1838 гг. – осуществлялась ревизия (проверка) и обработка составленных книг Свода. Течение систематизации законов в Военном министерстве усложнялось проведением административных реформ и некоторой изолированностью Ахшарумова от меняющимися в соответствии с вызовами времени запросами военной администрации. Это стало причиной переработки уже сделанного Ахшарумовым в 1833 г. Однако несмотря на все обстоятельства, в том числе смену глав ведомства (работа началась при начальнике Главного штаба ЕИВ бароне И. И. Дибиче и военном министре А. И. Татищеве, в 1832 г. военным министром стал князь А. И. Чернышев), проект всегда имел их поддержку, а Николай I поощрял все их усилия¹⁰. В 1839 г. о выходе из публикации Свода военных постановлений 1838 г. известил специальный манифест¹¹. Плодотворный итог этого проекта, занявшего чуть более десяти лет, был обусловлен последовательностью инициатора – Д. И. Ахшарумова и участием М. М. Сперанского, являвшимся «прочной гарантией» его успешного завершения¹².

Но одновременно с составлением Свода военных постановлений предпринимались попытки еще одной систематизации – морского законодательства. На их начало и течение в большей степени, чем в первом случае, оказали влияние как внутриведомственные факторы, так и общие проблемы, с которыми сталкивались составители общих сводов в 20-х гг. XIX в.

К рубежу 1820 – 1830-х гг. морское ведомство пережило сложные реформы в центральной администрации. Они навсегда изменили облик аппарата управления, закрепив министерскую систему, умножив число контрольных операций, практически полностью

⁸ *Kagan F. Military reforms under Nicholas I. The origin of modern Russian army. N. Y., 1999. P. 51.* О проведенных в первые годы правления Николая I реформа в армии также см.: *Кухарук А. В. Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е гг. // Русский сборник: Исследования по российской истории. Т. VII. М., 2009. С. 191–205.*

⁹ *Ibid. p.52.*

¹⁰ *Kagan F. Military reforms under Nicholas I. P. 57.*

¹¹ Столетие Военного министерства, 1802-1902. С. 78–79.

¹² Там же. С. 19. О составлении Свода военных постановлений на общем фоне деятельности II Отделения СЕИВК см.: *Майков П. М. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 217–220.*

изменив состав высшей администрации. Реформы, которые представляли собой структурную перестройку и изменение инструкций по делопроизводству, на самом деле оказались весьма болезненными: их начало совпало с следствием над декабристами, а ход осложнился многочисленными внутриведомственными конфликтами, которые сделали позиции многих членов морского генералитета уязвимыми. В центральной и портовых администрациях были обнаружены финансовые злоупотребления. Лейтмотивом всех преобразований во флоте являлась ориентация на военное ведомство – он звучал в указах и резолюциях Николая I. Два огромных потребителя финансов и людских ресурсов должны были сближаться в принципах распоряжения ими, повысить прозрачность административных механизмов. Главный штаб ЕИВ и Военное министерство вследствие реформ середины 1810-х гг. продвинулись вперед в плане совершенствования форм управления. Многие сферы администрирования (например, строительные подразделения и т. п.) у двух ведомств были схожи. Поэтому даже на время проведения преобразований отдельные части флота поручались чинам из Главного штаба ЕИВ. С точки зрения скорости эти меры приносили свои результаты – реформы проводились быстро. Однако на многих качественных этапах их претворения в жизнь руководившие ими военачальники и флотоводцы получали пространные объяснительные записки своих канцелярских чиновников о том, почему ту или иную часть во флоте нельзя полностью переложить на военное законодательство. Тем не менее взгляд на флот как на вспомогательный и даже второстепенный (исходя из соображений стратегии) по отношению к армии военный институт, стремление поставить его обособленную управленческую элиту, и спаянный с нею аппарат управления под контроль верховной власти привели к доминированию именно такого взгляда. Своего рода апофеозом такой политики Николая I по отношению к флоту стало назначение генерал-адъютанта свиты, служившего по Главному штабу ЕИВ, князя *Александра Сергеевича Меншикова* (1787 – 1869) начальником новосозданного Главного Морского штаба ЕИВ в 1828 г. Эти же тенденции – с одной стороны признание за образец армии, с другой – подразумеваемая второстепенность флота – закономерно проявились и в процессе того, что называлось чиновниками «кодификацией» морского законодательства.

Неизвестно, от кого именно исходила инициатива проекта систематизации: возможно, она принадлежала самому Николаю I, а возможно, также являлась «частным почином» кого-либо из близкого окружения А. С. Меншикова. Основным исполнителем проекта по систематизации морских законов являлся *Николай Иванович Бахтин* (1796 – 1869) – ключевой гражданский чиновник ранней меншиковской администрации во флоте. После формального перевода во флот А. С. Меншиков опирался на ряд отобранных им лично чиновников, служивших, по официальной формулировке, «при» князе. Среди них

выделялась фигура Н. И. Бахтина. Он перешел на службу из Провиантского департамента Военного министерства по рекомендации бывшего начальника, имея небольшой опыт проведения ревизий (что было важно для флота этого времени) и весьма положительные заключения фон Фока и Бенкендорфа: Меншиков основательно собирал сведения не только о способностях будущих подчиненных, но и об их благонадежности. К началу работ по систематизации морских законов Бахтин имел значительный опыт в морской администрации: черновики бумаг Меншикова позволяют судить о том, что он активно участвовал в составлении «Временного образования Морского министерства» 1827 г.¹³.

История первой попытки составления единого свода законов для флота началась 9 мая 1833 г., когда А. С. Меншиков представил императору докладную записку, обосновывающую необходимость составления *Свода морских постановлений*. Автором ее текста, вероятно, являлся сам Н. И. Бахтин. В тексте записки потребность в систематизированном законодательстве аргументировалась неполнотой общего свода законов и ведомственными нуждами: «При издании свода законов Российской империи постановления по морской части не вошли в состав оного. Польза подобного свода для морского управления несомненна, но затруднения, которые в деле сем подлежат преодолеть, превышают даже те, кои представлялись в сем случае по другим частям государственного управления»¹⁴. Первая категория трудностей, о которых говорил автор, происходила из специфики морского законодательства: чтобы привести его в систему необходимо было привлекать «мореплавателей и людей, знающих морские науки»¹⁵. Другая – в установлении соотношения отрасли права, которой являлось морское законодательство, действующим законодательным нормам. Доклад Меншикова об этом говорил так: «отношение морского управления к прочим государственным учреждениям требуют внимательного рассмотрения, какие из постановлений, изданных не собственно по морскому управлению, должны служить оному руководством»¹⁶. Из этого следует, что в докладе речь шла о концепции и форме систематизации постановлений, ориентированных в своей основе на работу М. М. Сперанского.

¹³ Подробнее о Н. И. Бахтине в период его службы чиновником при князе А. С. Меншикове: *Доник К. В.* Н. И. Бахтин в Морском министерстве: к истории формирования чиновного окружения князя А. С. Меншикова во флоте в конце 1820-х – начале 1830х гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12. № 4. С. 162–170. Биографические сведения и библиография: *Широв Д. Н.* Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи, 1802–1917: библиографический справочник. В 3-х т.: Т. 1. СПб., 2024. С. 122–125.

¹⁴ О составлении свода морских законов // Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 170. Оп. 1. Д. 1191. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 2 об.

Согласно тексту всеподданнейшей записки, работа над составлением Свода морских постановлений должна была проводиться в Комитете образования флота (далее – КОФ), под непосредственным началом правителя дел Комитета – Н. И. Бахтина¹⁷. Комитет образования флота был открыт указом 31 декабря 1825 г. для разработки проекта реформ флота и структуры морской администрации. Имея в своем составе представителей морского генералитета, он должен был стать высшим консультационным органом, в котором бы обсуждался и координировался ход работ. Последние были поручены канцелярии Комитета во главе с Бахтиным.

В записке предусматривалось составление плана работ, интенсивное взаимодействие с Военным министерством «поелику некоторые части морского управления совершенно единообразны с частями военно-сухопутного ведомства»¹⁸. В специальный пункт выделялось решение обязать все учреждения Черноморского департамента по первому требованию канцелярии Комитета и правителя дел представлять все необходимые справки для работы¹⁹; вероятно, нарочитость такой оговорки была связана с высокой степенью автономности черноморского управления, находившегося на пороге административной реформы и в лице вице-адмирала А. С. Грейга противостоявшего распоряжениям и предписаниям, приходившим из Петербурга от Меншикова. На записку была получена положительная резолюция Николая I.

После получения одобрительной резолюции императора, чиновники под началом Бахтина скоро приступили к делу. Однако, как и предвидел автор текста всеподданнейшей записки, столь же быстро на пути систематизаторов возник и ряд затруднений: первое из них было связано с краеугольным камнем изначальной установки на ориентацию на военное ведомство.

Идея составления Свода морских постановлений предполагала первоочередное обращение к опыту Военного министерства. В отношении на имя военного министра генерала от кавалерии князя А. И. Чернышева Меншиков просил содействия в работе чиновников, занимавшихся в двух ведомствах работой по сводам, а также предоставления проспекта «или подробного оглавления предполагаемого Свода военных постановлений, из коего бы видно было разделение и расположение частей оногo»²⁰. Ожидание ответа вызвало первую многомесячную задержку по заявленной в записке разработке плана свода: в отсутствие А. И. Чернышева замещавший его генерал-майор В. Ф. Адлерберг отвечал, что

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же. Л. 4 об.

²⁰ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений Российской империи. Ч. I // РГА ВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 635. Л. 6 об.

все книги Свода военных постановлений переданы М. М. Сперанскому, «под руководством коего производится самая редакция свода и ныне должно быть произведено исправление и дополнение оно»²¹. Поскольку сам Сперанский также находился в отъезде, дело было отложено до осени 1833 г. Обращение уже на его имя повторилось 3 октября 1833 г. с той же просьбой оказать содействие и прислать оглавление Свода военных постановлений. В ранее не вводившемся в научный оборот отношении Сперанского к Меншикову²², хранящемся в фонде КОФ, им была изложена последовательность работ по составлению Свода. На основе данного документа можно судить о высокой степени включенности Сперанского в дело военной систематизации. Из него также следует, что в 1833 г. работы над Сводом находились только на стадии ревизии в редакции II Отделения СЕИВК, которое было вынуждено взять ее под свой контроль, т. к. обращение для проверки Свода непосредственно в ведомственные учреждения (департаменты министерства) не принесли никакой пользы – за проверкой частей законодательства в разрозненном виде, военные чины не видели общей картины. В то же время поскольку работы над редактированием каждой части Свода еще не были завершены, окончательное его оглавление, по словам Сперанского, было отложено Ахшарумовым до тех пор, когда «можно будет установить каждый предмет на своем месте и определить также его пределы»²³. Таким образом, из послания Сперанского можно заключить, что строгая систематика военного законодательства Ахшарумовым была перенесена на более поздний этап работы. По всей видимости, первый этап ее заключался в «приведении в известность» вообще всех законов. Что отличалось от опыта морского министерства, в котором, желая использовать наработки военного ведомства, Бахтина сразу же перешел к составлению «проспекта», и тем самым поторопил Ахшарумова. Стремясь выполнить запрос Меншикова об оглавлении Свода, Сперанский распорядился составить его как можно скорее²⁴. К ноябрю 1833 г. оглавление было готово, и Сперанский выслал его КОФ с собственным примечанием, что «расположение предметов в сем оглавлении означенное не есть окончательное, некоторые разделы, главы и отделения при пересмотре текста Свода могут быть в нем представлены и распределены удобнее, без существенного однако же в самых частях и книгах изложения»²⁵.

Оглавление, составленное Ахшарумовым, для морских чиновников было полезным – оно отражало базовые принципы классификации постановлений. Они были просты:

²¹ Там же. Л. 10 об.

²² Текст написан Сперанским собственноручно.

²³ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений. Ч. I // Там же. Л. 95 об.

²⁴ Там же. Л. 96.

²⁵ Там же. Л. 116 об.

военные законы предполагалось разделить на четыре области (*книги*), в каждая из которых входили законы об одной из сфер организации жизни армии. Первая книга посвящалась аппарату управления ведомством в целом, вторая - порядку военной службы и ее прохождению, третья – хозяйственному военному управлению, четвертая – военному суду²⁶; каждая из книг распадалась на более мелкие деления по предметам, например, предполагалось, что книга о военном хозяйственном управлении состояла бы из частей о заготовлении снабжения, приеме и хранении сумм и материалов до отпуска в армию, отдельно о самом процессе отпуска снабжения²⁷ и т.д. Это оглавление в писарской копии сохранившееся среди бумаг Бахтина, действительно носило самый общий характер. Немного позднее в его распоряжении оказалось доработанное оглавление с заимствованной из Свода законов Российской империи многоуровневой градацией, которое являлось уже конкретным примером, по которому можно было составить аналогичные многоуровневые градации в системе для флота²⁸. Именно оно стало основой для составления Бахтиным системы (проспекта) морского свода.

10 февраля 1834 г. Бахтин представил его князю Меншикову вместе с оглавлением Свода военных постановлений и запиской «О началах, на коих основано разделение предполагаемого Свода морских постановлений с сравнением одного с разделением принятых для Свода постановлений военно-сухопутных». Общие принципы разделения системы морского законодательства были полностью перенесены Бахтиным из опыта военного ведомства, однако, это заимствование не было механическим, а сам проспект, составленный чиновником, отличался полнотой учета флотских институтов и процессов, которые должен был регулировать Свод. В предполагаемом морском Своде законы, которые предстояло собрать, разделялись на пять частей: 1) образование разных частей морского ведомства, 2) устав о служащих по морскому ведомству; 3) устав о службе по морскому ведомству; 4) устав хозяйственный морского ведомства; 5) устав военно-уголовный²⁹. Все части подразделялись на книги, последние на разделы, а они, в свою очередь, на главы и отделы.

Отличиям, которые неизбежно присутствовали во флоте и которые должна была учесть составляемая структура систематизации (проспект) была посвящена «Записка о началах» (см. выше) авторства Бахтина. При составлении проспекта он исходил из двух основных методических установок для системы и структуры морского свода: «1)

²⁶ Разделение Свода военных постановлений генерал-майора Ахшарумова // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 682. Ед. хр. 740. Л. 1–2.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Оглавление Свода военных постановлений, составленного Комитетом при Военном министерстве учрежденном // ОР РНБ. Ф. 682. Ед. хр. 639. Л. 1–16.

²⁹ Проспект Свода морских постановлений // ОР РНБ. Ф. 682. Ед. хр. 765. Л. 1–42.

систематическое расположение предметов так, чтобы каждый занимал то место, которое указывает ему отношение его к прочим, входящим в состав Свода, и чтобы самые пропуски неизбежные при сем первом обозрении круга действий морского управления могли впоследствии легко быть пополняемы; 2) удобство для практического употребления, состоящее преимущественно в том, чтобы разные места и лица, принадлежащие к управлению, находили в Своде, сколь возможно, в совокупности все, что к кругу действий каждого из них относиться может»³⁰. Посыл удобства в использовании обусловил улучшения в структуре Свода морских постановлений и отступлении от военного образца. Так, Бахтин отказался от деления Ахшарумова в области постановлений о службе: вместо деления постановлений о службе по нескольким частям, предпринятого в военном своде (Общий устав службы и Устав службы местной и походной), он вообще отделил службу от служащих; в результате в его проекте появилась часть о служащих по морскому ведомству (2-я) и о службе по морскому ведомству (3-я)³¹. По мнению Бахтина, это упрощение помогало избежать таких недостатков, когда «встречаются в одних и тех же разделах <...> разнородные предметы»³². Различия на более низких уровнях (книг) диктовала специфика, имевшая место во флоте. Так, в том же уставе о службе (часть 3-я) Бахтин ввел деление военной и классной службы – в силу особого положения во флоте классных чинов³³. Утилитарность принципов морской кодификации, изложенных в «Записке о началах» Бахтиным, и стремление к простоте не стоит недооценивать: во-первых, речь шла вообще о самой первой реальной попытке обобщить морское законодательство и придать ему сколь-нибудь взаимосвязанный вид; во-вторых, декларируемая прагматичность, даже если бы она появилась как исключительно механическая компиляция всего действующего законодательства, принесла бы несомненную пользу и огромную помощь в работе флотских учреждений.

Проект Свода морских постановлений был также отослан Сперанскому, который приказал Ахшарумову сравнить его с системой свода военного; Ахшарумов нашел, что все различия закономерны и происходят из специфики службы в армии и во флоте, Сперанский же, отправляя записку Меншикову, писал: «В том и другом расположении, там, где они различествуют, есть свои выгоды и свои неудобства. Совершенного сходства быть не может по разности предметов»³⁴.

³⁰ «О началах, на коих основано деление предполагаемого Свода морских постановлений с сравнением одного с разделением, принятым для Свода постановлений военно-сухопутных». Записка. // ОР РНБ. Ф. 682. Ед. хр. 640. Л. 2–2 об.

³¹ Там же. Л. 4 об.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 9–9 об.

³⁴ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений Российской империи. Ч. II // РГА ВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 636. Л. 104–104 об.

После доклада Бахтина Меншикову, проспект был направлен в типографию, напечатан и 3 марта 1834 г. разослан членам КОФ – адмирал П. М. Рожнову, вице-адмиралу И. Ф. Крузенштерну, контр-адмиралу М. Н. Васильеву, контр-адмиралу В. И. Мелихову и вице-адмиралу Ф. Ф. Беллинсгаузену для ознакомления и замечаний³⁵, получив полную поддержку. В виде письменного доклада сообщение о составлении проспекта Меншиковым было направлено царю, от которого вернулось с резолюцией «Кажется мне, очень хорошо»³⁶. Собранный 21 марта 1834 г. КОФ полностью одобрил проспект, предложив составить подробный *план* работ по его реализации и также внести его на рассмотрение в КОФ³⁷. В журнале заседания Комитета впервые проговаривалось одновременно и главное опасение в работе над Сводом, и главная трудность, которая во многом способствовала неудаче этой первой смелой попытке упорядочивания морских законов. Речь в данном случае шла о постановлениях и предписаниях начальства разного уровня, которые «хотя и не были объявлены во всеобщее известие, но принимаются постоянно в руководство и служат так сказать дополнением и пояснением узаконений»³⁸. Проблема, о которой говорил Комитет, была сформулирована самим М. М. Сперанским, т. к. являлась общей для состояния российского законодательства и не могла миновать морское ведомство.

«Затруднения здесь были бесчисленны, – писал М. М. Сперанский в «Обзрении исторических сведений о своде законов» 1833 г., – сначала указов печатных не было, канцелярии были скудны и неисправны, архивы в беспорядке и небрежении. Указы посылались большей частью письменные и прямо в те приказы и коллегии, к коим принадлежало их исполнение. Общего хранилища законов долго не было»³⁹. Все это в полной мере относилось и ко флоту. Адмиралтейский архив, даже несмотря на большую работу, которая провела специальная комиссия по его упорядочиванию во второй половине 20-х гг. XIX в., все же не мог бы полностью удовлетворить потребности кодификации: одной из главных проблем являлось отсутствие справочных ключей к массивам делопроизводства – описей, алфавитов⁴⁰. Многочисленные постановления, которые в качестве дополнений вводились военной властью на портовом уровне могли не всегда быть известны в Петербурге. Как представлялось Бахтину, единственным путем, по которому мог пойти процесс «извлечения» таких постановлений во флоте, прояснения их статуса и актуальности, являлся сбор сведений и копий постановлений с мест – изо всех без

³⁵ Там же. Л. 55–56.

³⁶ Там же. Л. 38.

³⁷ Там же. Л. 69.

³⁸ Там же.

³⁹ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833. С. 43.

⁴⁰ Доник К. В. Князь А. С. Меншиков и морское ведомство: реформы флотской администрации в начале царствования Николая I: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2023. С. 332–359.

исключения учреждений, подчиненных ведомству. Это был путь колоссальной переписки и организации методики ее обработки. Учитывая инертность той аппаратной среды, которая во многом еще не была преодолена во флоте в ходе административных реформ, эта переписка могла затягиваться на большие сроки – что и происходило позднее.

Однако на начальном этапе проекта, Бахтин (а с ним и опиравшийся на него в этом вопросе Меншиков), как кажется, был полон решимости и энтузиазма. Когда Комитет предписал составление подробного плана, он немедленно приступил к его реализации. Как и проспект, он появился быстро и отличался такой же четкостью, стройностью мысли и последовательностью: ведь за период от первого запроса во II Отделение СЕИВК до ожидания присылки Ахшарумовым и Сперанским оглавления Свода военных постановлений, канцелярия КОФ, состоящая из нескольких писарей и Бахтина, уже проделала немалую работу по выявлению источников для морского свода. С первых дней после утверждения докладной записки Меншикова от 9 мая 1833 г. императором, канцелярия КОФ от имени Главного Морского штаба ЕИВ рассылала оповещения о начале работ по составлению Свода и первые требования присылать сведения о наличии постановлений, происходящих от местного начальства или даже от Высочайшего имени (кроме опубликованных), которые использовались в управлении. В делопроизводстве канцелярии КОФ отложились длинные списки учреждений, начиная с центральных, подведомственных морскому министру и самому Меншикову, в которые рассылались подобного рода запросы с требованием копий. Одновременно Бахтин начал собирать прямые источники законов: так, уже в июне 1833 г. в канцелярии Адмиралтейств-совета был направлен запрос на присылку реестра журналов заседаний с 1827 г.⁴¹; Инспекторский департамент был призван извлечь из подчиненного ему Адмиралтейского архива переплетенные книги высочайших указов по флоту со времен Петра I⁴². Также было решено перевести на службу в канцелярию КОФ нескольких писарей департамента и присылать Бахтину выпуски «Собрания законов и постановлений, до части морского управления относящихся» - выходившего после административных реформ периодического издания департамента с текстами постановлений по всему флоту за каждый год, начиная со времени восшествия на престол Николая I⁴³. В то же время в канцелярию постепенно начали поступать ответы учреждений, содержащие копии высочайше утвержденных докладных записок морского министра, утвержденные предложения Адмиралтейств-коллегии, приложения к законам, носившие местный характер, дополнения к инструкциям флотским

⁴¹ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений. Ч. I // Л. 11 об.

⁴² Там же. Л. 15.

⁴³ Там же. Л. 28.

должностям и т. д. Особое внимание было уделено Черноморскому отделению, стоявшему на пороге сложной административной реформы и отличавшееся частым игнорированием официальной переписки⁴⁴. Отдельной большой задачей являлся сбор сведений о штатах (штатных расписаниях) «и всех постановлениях, до этого относящихся»⁴⁵. Некоторые учреждения, особенно появившиеся недавно в ходе реформ, например, Строительный департамент Главного Морского штаба ЕИВ или Департамент корабельных лесов, подчиненный морскому министру, лаконично писали об отсутствии у них неизвестных «необъявленных во всеобщее известие постановлений и предписаний начальства»: однако в дальнейшем они все равно оказывались участниками переписки по уточнению статуса актуальности обнаруженных уже канцелярией КОФ таких постановлений за прошлые годы. Некоторые портовые управления присылали копии каждый раз после обследований своих портовых канцелярий и архивов, некоторые отличались молчанием и получали запросы из КОФ неоднократно.

Как и любое предприятие в морском управлении 1820-х – 1830 х. гг., связанное с перепиской с удаленными, автономными и вяло реагирующими на очередной канцелярский запрос администрациями, исход даже промежуточных результатов, не говоря уже об успехе всего предприятия, которое возглавлял Бахтин, зависел от местных чиновников. Запросы из КОФ всегда влекли за собой рутину справок, которая на микроуровне не стояла среди приоритетных задач. Некоторые запросы, рассылавшиеся «волнами» в портовые конторы и десятки маленьких канцелярий требовали ответ определенной формы и степени аналитики. Так, например, составляя текст очередного официально отношения о присылке в КОФ постановления о флотских учреждениях, сделанные в разное время Адмиралтейств-советом, Бахтин просил копии и выписки у чиновников следующим образом: если постановление, которого нет ни в Полном собрании законов, ни в числе «Узаконений» (т. е. неопубликованное) содержит резолюцию императора, то копию нужно делать только с повеления царя, если Адмиралтейств-совет не запрашивал резолюции – то только с его «журнала»; «что когда заключение совета так изложено, что могло быть принято к исправлению без всяких соображений с представлениями, в таком случае достаточно иметь список только с журнала, если уже в заключении совета сделаны ссылки на представление [в Адмиралтейств-совет] и оно в журнале не прописано слово в слово, то необходимо иметь <...> список и с представления...»⁴⁶.

⁴⁴ Там же. Л. 58.

⁴⁵ Там же. Л. 39–40.

⁴⁶ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений Российской империи. Ч. V// РГА ВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 639. ЛЛ. 11 об–12.

В сохранившихся в РГА ВМФ в фонде КОФ фрагментах делопроизводственного архива все подшивки документов с 1833 до 1841 г., когда Бахтин фактически отошел от дальнейшей работы над Сводом, представляют собой сотни листов переписки учреждений ведомства с канцелярией КОФ⁴⁷. Поскольку большая часть архива по систематизации не сохранилась, именно они служат источником не только для восстановления фактической деятельности канцелярии по систематизации законов, но и для понимания того, насколько интенсивной была ее деятельность в этот период.

7 мая 1834 г. Бахтин представил князю Меншикову *«Подробный план работ для составления Свода морских постановлений»*. Он впитал в себя два больших опыта – деятельности Сперанского и Ахшарумова. Вместе с проспектом, является основным источником по истории проекта систематизации морского законодательства в 1833 г.

В «Подробном плане» Бахтиным впервые были сформулированы сущность и границы процесса «составления свода», описаны источники для морского свода законов, последовательность их сведения в систему, изложенную в проспекте, а также приведены принципы написания статей. Анализ текста «Подробного плана» показывает, что он являлся результатом адаптации методических наработок, примененных Сперанским для составления Свода законов Российской империи, к законодательным реалиям морского ведомства.

Общие принципы процесса составления свода для любой отрасли законодательства, по мнению Бахтина, заключались 1) в собирании и расположении по хронологии узаконений, 2) распределении их по выработанной системе и 3) «сличению узаконений между собой, устранении тех из них, кои более не действуют, исправление и дополнением изменившихся последующими и изложении сущности оны в виде статей свода»⁴⁸. Такое изложение концепции свода указывает на единство с юридической деятельностью, которую к тому времени уже осуществило II Отделение СЕИВК, а именно многоуровневой обработкой законодательства, его систематизацией по типу инкорпорации и консолидации правовых актов. Целью такого типа работ, по определению Сперанского, являлось «уложение сводное» – «свод законов существующих, устроенный в виде уложения с исключением всего недействующего, но без всякого изменения в существе их»⁴⁹. Уложение сводное противостояло согласно его идеям *уложению исправленному* – своду актуальных

⁴⁷ В РГА ВМФ они составляют несколько переплетов: О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений Российской империи Ч. I–V // РГА ВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 635, 636, 637, 638, 639.

⁴⁸ «Подробный план работ по составлению Свода морских постановлений по проспекту оною, утвержденному Комитетом образования флота и одобренному его императорским величеством» // ОР РНБ. Ф. 682. Ед. хр. 636. Л. 1–1 об.

⁴⁹ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений. С. 69.

законов «с дополнением и исправлением»⁵⁰ – которое могло бы приближаться к результату кодификации в общепринятом смысле этого понятия.

Основными источниками для Свода морских постановлений, согласно плану Бахтина, должны были являться: 1) общие – Полное собрание законов Российской империи «Собрание высочайших указов, рескриптов и повелений, хранящихся в Адмиралтейском архиве»; 2) и источники ведомственных постановлений по флоту⁵¹. Последние включали в себя «Собрание постановлений, до части морского управления относящихся», издаваемое от Инспекторского департамента Главного Морского штаба, журналы определений бывшей Адмиралтейств-коллегии, начиная с 1719 г. по 1 января 1828 г. (до дня закрытия присутствия), подборки законодательных актов, хранившихся в Адмиралтейском архиве, архивное и текущее делопроизводство.

ПСЗРИ при этом являлось отправной точкой для работы с другими источниками постановлений. Уже на этапе составления «Подробного плана», как следует из текста, Бахтиным и чиновниками канцелярии КОФ были предприняты важные первоначальные шаги: из ПСЗРИ были выбраны все постановления, относящиеся к флоту со времени Петра I, составлен их хронологический реестр, а также проведена сверка с «Собранием высочайших указов, рескриптов и повелений»⁵². Последнее хранилось в Адмиралтейском архиве в количестве 128 переплетов подлинных и копийных документов. Этот шаг позволил обнаружить дополнительные постановления, которые касались флота, но не могли быть досконально выявлены при составлении ПСЗРИ. Из них были составлены два реестра – один для будущего Свода, второй – «исторический» – носивший преимущественно справочный характер⁵³. Периодические выпуски «Собрания постановлений до части морского управления относящихся» могли послужить источником по периоду жизни ведомства после реформ 1827 – 1828 гг., из них также были составлены выписки. Журналы определений Адмиралтейств коллегии, которые хранились в архиве и насчитывали 1356 книг по несколько сотен листов без хронологических и предметных указателей решено было оставить без систематического просмотра и обращаться к ним только в случае прояснения ссылок⁵⁴, как и делопроизводство из Адмиралтейского архива, «приведенного в расстройство временем». Текущее делопроизводство привлекалось с целью недопущения пропусков в составлении свода - именно для этого формировались вышеупомянутые запросы в виде отношений в разные места центрального и местных

⁵⁰ Там же. С. 70.

⁵¹ «Подробный план работ по составлению Свода морских постановлений...» // Л. 3–3 об.

⁵² Там же. Л. 4 об–5.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 7.

управлений (на момент составления «Подробного плана» их уже накопилось значительное количество); получаемые сведения решено было сверять с журналами Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейств-совета⁵⁵. Нижней хронологической границей отбора законодательства Бахтин предлагал считать 1720 г., когда был издан Морской устав Петра Великого.

Второй этап – распределения законодательных актов по разделам проспекта (т. е. собственно упорядочивание и систематизация) Бахтин предполагал делать по прямому предметному признаку, а для тех, которые, например, напрямую не относились к флоту, но содержали положения, затрагивающие ведомство, распределять, опираясь на алфавиты в ПСЗРИ. И поскольку работа с ПСЗРИ существенно облегчала задачи морских чиновников, Бахтин предлагал начать «наполнение» системы проспекта именно выписками из него; более того, он писал, что «в канцелярии Комитета уже сделано значительное число выписок из означенного свода законов, и работа сия почти совершенно кончена»⁵⁶. В «Подробном плане» была также прописана методика вычитки постановлений, входивших в состав ПСЗРИ.

Третий этап, заключающийся собственно в создании статей Свода и предполагавший наличие кодификационной составляющей, требовал наибольшей методичности. В появлении на свет каждой статьи Бахтин видел два этапа. Первый состоял в подготовке материала: «1) устранении всех таких узаконений, которые отменены последующими; 2) в присоединении к ним тех, кои оными изменяются отчасти, или поясняются и дополняются; и наконец 3) в изложении сущности оных в виде статей»⁵⁷. На втором этапе – при написании текста статей – Бахтин предлагал основываться на тех правилах, которые были приняты Сперанским для составления статей СЗРИ⁵⁸.

Сочиняя текст «Подробного плана», Бахтин сохранял оптимистичный настрой относительно не только успеха всего начинания, но и его скорой реализации. В этом убеждении он опирался на уже проделанную работу канцелярии. И даже в том случае, когда некоторые части Свода в целях единообразия с военными законами не могли быть составлены прежде, чем были бы опубликованы соответствующие им из Свода военных постановлений (в первую очередь это касалось части военно-уголовного устава морского ведомства), Бахтин предлагал конкретный план подготовительных работ для упрощения составления статей в будущем, чтобы не терять время⁵⁹.

⁵⁵ Там же. Л. 9.

⁵⁶ Там же. Л. 16.

⁵⁷ Там же. Л. 23 об–24.

⁵⁸ Там же. Л. 24–25.

⁵⁹ Там же. Л. 21–23 об.

7 мая 1834 г. Бахтин представил «Подробный план» князю Меншикову; докладная записка князя императору по предмету Свода получила одобрение царя⁶⁰, и текст документа был разослан в КОФ для ознакомления. На заседании 23 мая 1834 г. члены КОФ единогласно поддержали труд Бахтина⁶¹, после чего работы канцелярии продолжились. И если бы объективные и субъективные факторы в судьбе проекта по составлению Свода морских постановлений сложились бы более удачно, он увидел бы свет немногим позже военного свода 1838 г.

Однако первым и главным ударом по работе над его составлением стал внезапный уход из ведомства самого Бахтина. Как чиновник, назначенный состоять «при» князе Меншикове, он имел внушительный объем работы по разным направлениям деятельности начальника Главного Морского штаба и финляндского генерал-губернатора. Коллежского советника, способного и имевшего ценный опыт аналитической работы, заметили и другие высокопоставленные сановники. 9 декабря 1834 г. Бахтин был переведен на должность управляющего делами Комитета министров: вероятно, это произошло по предложению Н. Н. Новосильцова⁶². При этом князь Меншиков, по всей видимости, все же уговорил Бахтина не оставлять занятий по Своду морских постановлений, а обязанный ему взлетом своей отличной карьеры Бахтин не смог ему в этом отказать. Работа канцелярии КОФ продолжалась еще несколько лет, но для Бахтина, обремененного другими задачами, она уже не являлась первоочередной. Проблемы со здоровьем заставили чиновника уехать в 1841 г. на лечение в Европу, а в 1842 г. просить князя А. С. Меншикова об освобождении от работы по Своду морских постановлений⁶³.

Канцелярия КОФ, оставшаяся даже без заочного руководства, перешла в руки другого чиновника князя Меншикова – действительному статскому советнику Константину Ивановичу Фишеру (1805 – ?). Ему потребовалось не менее года только чтобы войти в курс сложного дела. В составленной для князя Меншикова отчетной записке он изложил последовательность мер по упорядочиванию делопроизводства уже самой канцелярии КОФ по части кодификационных работ; кроме того, вышедший в 1838 г. Свод военных постановлений требовал внесения корректив в изначальный проспект Бахтина⁶⁴. Немногочисленные чиновники приступили к «преобразованию архива редакции», а Фишер – к составлению нового проспекта с учетом военного свода. Но и для Фишера,

⁶⁰ «Кажется, хорошо», – написал Николай I в резолюции. О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений. Ч. II // Л. 151.

⁶¹ Там же. Л. 152.

⁶² *Доник К. В.* Н. И. Бахтин в Морском министерстве. С. 168.

⁶³ Бахтин Н. И. Письмо начальнику Главного морского штаба князю А. С. Меншикову // ОР РНБ. Ф. 682. Ед. хр. 564. Л. 1.

⁶⁴ О составлении при Комитете образования флота Свода морских постановлений. Ч. VI // РГА ВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 640. Л. 40–40 об.

занимавшегося на тот момент данной деятельностью «сверх» других обязанностей, эта работа не стала основной. В 1848 г. КОФ, просуществовавший 23 года, был закрыт. Канцелярия по Своду морских законов передана в Морской ученый комитет, а в 1853 г. и вовсе упразднена повелением великого князя Константина Николаевича, который свое руководство морским ведомством начал с учреждения шести временных кодификационных комитетов.

Подводя итог изучению первого проекта систематизации морского законодательства, следует отметить ее сущностные черты и причины неудачи. Проект составления Свода морских постановлений 1834 г. был направлен на повышение качества морского управления (во всех аспектах) и службы во флоте. Составление свода рассматривалось как часть «большого» процесса систематизации законов – общегосударственных, гражданских и военных. Поскольку все виды законов и постановлений, относящихся к флоту, являлись разновидностью отраслевого права, схожего с военно-сухопутным, составление из них упорядоченного корпуса-свода по системе было ориентировано на Свод военных постановлений, а концептуально и методологически – на Свод законов Российской империи. Установление военного свода за образец имело как свои преимущества в виде уже имеющегося опыта, так и недостатки, которые заключались в необходимости ожидать итога работы Военного министерства. В то же время необходимо отметить незаурядную деятельность по руководству составлением свода, осуществлявшуюся Н. И. Бахтиным. Колоссальная работа, которую проделала канцелярия КОФ под его началом, впечатляла преемников, разбиравших ее архив. Два основных текста, которые составляют содержание проекта свода – проспект и «Подробный план» – свидетельствуют о глубоком изучении Бахтиным идей, принципов и опыта деятельности М. М. Сперанского. Причины же неудач проекта Свода 1833 г. проявились в совокупности обстоятельств. Помимо ухода Бахтина из ведомства, следует отметить и институциональную оторванность работ по морскому своду от II Отделения СЕИВК; и хотя Сперанский, как было установлено, ознакомился с основными документами (проспектом и планом) проекта Свода, делал комментарии и оказывал по мере возможности содействие, дореволюционные историографы не зря видели гарантию успеха завершения военного свода именно в официальной передаче под контроль Сперанского столь же колоссальной работы Ахшарумова. Можно подразумевать список причин, почему по аналогии с военными не были подчинены II Отделению СЕИВК и работы по флоту, однако документальных подтверждений ни одной из них на данном этапе не выявлено. Большую роль сыграло и кажущееся весьма отстраненным отношение к составлению свода князя А. С. Меншикова. И хотя он всегда оказывал административную поддержку Бахтину, все же

возможности его огромной власти как главы ведомства для поддержания работы канцелярии до и после ухода Бахтина остались в полной мере не задействованными. Поиск преемника талантливому чиновнику, а также расширение штата вполне могли стать залогом появления свода морских постановлений в 1840-е гг. Но несмотря на все вышеперечисленное, проект 1833 г., появившийся в эпоху М. М. Сперанского, основанный на его методических принципах, явился первой попыткой настоящей систематизации морского законодательства и первым шагом на долгом пути к кодификационным работам во флоте в 1870 – 1880-е гг.

Литература

Андреева Т. В. Второе отделение Собственной ЕИВ канцелярии: технология законодательства. 1826 – 1832 гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2 (22). С. 43–64.

Андреева Т. В. Государственное управление России в начале царствования Николая I: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2017. №2 (14). С. 30 –54.

Доник К. В. Князь А. С. Меншиков и морское ведомство: реформы флотской администрации в начале царствования Николая I: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2023. 504 с.

Доник К. В. Н. И. Бахтин в Морском министерстве: к истории формирования чиновного окружения князя А. С. Меншикова во флоте в конце 1820-х – начале 1830х гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12. № 4. С. 162–170.

Кухарук А. В. Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е гг. // Русский сборник: Исследования по российской истории. Т. VII. М., 2009. С. 191–205.

Майков П. М. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1826 – 1882. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. 616 с.

Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2007. 530 с.

Столетие Военного министерства, 1802-1902 / гл. ред. ген. от кавалерии Д.А. Скалон; [Т. 3, ч. 1, отд. 1] : Кодификационный отдел : исторический очерк / сост. Ген. шт. подполк. Э.М. Лисенко; ред. действ. тайн. сов. Н.Г. Колоколов. СПб., 1902. 85 с.

Уортман Р. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.

Шилов Д. Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи, 1802 – 1917: биобиблиографический справочник / Д. Н. Шилов, ред. В. В. Антонов. В 3-х т.: Т. 1. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2024. 812 с.

Borisova T. Y. The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality // *Law and History Review*. 2012. Vol. 30. No. 3. P. 901–925.

Kagan F. *Military reforms under Nicholas I. The origin of modern Russian army*. N. Y.: St. Martin's Press, 1999. 337 p.

References

Andreeva T. V. Vtoroe otделение Sobstvennoi EIV kanceliarii: tehnologiya zakonotvorchestva. 1826 – 1832. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2019, no 2 (22), pp. 43–64. (In Russian)

Andreeva T. V. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v nachale carstvovaniia Nikolaia I: k probleme preemstvennosti i razlichii v pravitel'stvennoi preobrazovatel'noi politike. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2017, no 2 (14), pp. 30–54. (In Russian)

Borisova T. Y. The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality. *Law and History Review*, 2012, vol. 30, no 3, pp. 901–925.

Donik K. V. *Kniaz' A. S. Menshikov i morskoe vedomstvo: reformy flotskoi administracii v nachale carstvovaniia Nikolaia I*. Dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, 2023, 504 p. (In Russian)

Donik K. V. N. I. Bahtin v Morskom ministerstve: k istorii formirovaniia chinovnogo okruzeniia kniazia A. S. Menshikova vo flote v konce 1820-h – nachale 1830h gg. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovaniia*, issue 21, 2021, vol. 12, no 4, pp. 162–170. (In Russian)

Kagan F. *Military reforms under Nicholas I. The origin of modern Russian army*. New-York., St. Martin's Press, 1999, 337 p.

Kuharuk A. V. Reformirovanie armii pravitel'stvom Nikolaia I v 1830-e gg. *Russkii sbornik: Issledovaniia po rossiiskoi istorii*, vol. VII, 2009, pp. 191–205.

Majkov P. M. *Vtoroe otделение Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceliarii. 1826–1882*. St Petersburg, I. N. Skorohodov's Publ., 1906, 616 p.

Nikolai I: lichnost' i epoha. Noveye materialy. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2007, 530 p.

Shilov D. N. *Glavy vysshih i central'nyh gosudarstvennyh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii, 1802–1917: biobibliograficheskii spravochnik*. Vol. 1. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2024, 812 p. (In Russian)

Stoletie Voennogo ministerstva, 1802-1902. Kodifikacionnyi otdel: istoricheskii ocherk. Ed by N. G. Kolokolov. Vol. 3. St Petersburg, 1902, 85 p. (In Russian)

Wortman R. *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniia v imperatorskoi Rossii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004, 520 p. (In Russian)